

ЖАНАТ БАЙДАРАЛИН. ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ

CSCSTI 18:49
UDC 798
DOI 10.47940/cajas.v6i3.476

Дамир Уразымбетов¹

¹ Казахская национальная академия искусств
имени Т. К. Жургенова (Алматы, Казахстан)

Аннотация. В 1973 году рок-группа Pink Floyd издала альбом *The Dark Side of the Moon*, который изменил многое не только в музыкальном мире, но и вообще в культуре мышления человечества. Эстетика рок-группы повлияла и на творчество различных хореографов. Одним из них стал балетмейстер и педагог Жанат Байдаралин, открывший Казахстану современный танец. Родившись в послевоенное время в советском строе, он впитал в себя все знаковые приметы «той» эпохи. Однако через все его творчество периода 1970–80-х годов проходит мотив сопротивления, авангардизма и бунтарства. В своей родной стране он создал большое количество постановок: ставил хореографию, писал музыку, сочинял тексты для мюзиклов и сам их исполнял. Байдаралин также создал ряд коллективов в разных городах Казахстана, работал балетмейстером в ГАТОБ им. Абая.

Уже 20 лет Байдаралин живет в Америке. Он – единственный казах, работавший в очень закрытом от посторонних *Dance Theatre of Harlem* вместе с легендарным Артуром Митчеллом. В беседе с автором статьи Байдаралин обнажает пафос советского времени, начиная от жизни в интернате хореографического училища и заканчивая общением с госструктурами; заявляет об основных качествах личности, которые он пропагандирует. Сегодня он по-прежнему творчески азартен и вдохновлен. Он смотрит вперед с обратной стороны Луны.

Ключевые слова: Жанат Байдаралин, Pink Floyd, казахский балет, хореограф, жизнь в Америке, *The Dark Side of the Moon*, авангардист.

Для цитирования: Уразымбетов, Дамир. «Жанат Байдаралин. Обратная сторона Луны». *Central Asian Journal of Art Studies*, т. 6, № 3, 2021, с. 134–145. DOI: 10.47940/cajas.v6i3.476.

Моя беседа с известным хореографом Жанатом Байдаралиным, положившим начало современному танцу в Казахстане, происходила за тысячи километров друг от друга – он живет и работает на другом конце света в Штате Род-Айленд (США), а я нахожусь

в Алматы (Казахстан). Помимо большого количества постановок в театре и различных труппах (за которыми стоял титанический труд и самоотверженность), Ж. К. Байдаралин был организатором первого фестиваля современного танца в Казахстане в 1998 году, одним

из первых начал ставить массовые действия на стадионах, а еще создавал этнокультурный проект «Казахский аул в США» в 2005 году. Жизнь его богата приключениями. Сегодня он не только занимается педагогикой танца в собственной школе балета, но и рисует удивительные пейзажи.

Впервые я услышал Жаната Куренбайулы на онлайн-встрече со студентами факультета хореографии КазНАИ им. Т. К. Жургенова, состоявшейся через две недели после его юбилея 30 сентября 2020 года.

Увлекательными и насыщенными были рассказы мастера о том, как начинался его творческий путь, как он попал в хореографическое училище.

Его чуткость к родине и неутомимая жажда творчества, его большой опыт и желание рассказать о нем дали пищу для новых размышлений. Так родилось это интервью.

Сегодня нечасто встретишь увлеченного человека, который «горит» и хочет что-то сделать. Я много работаю с молодежью, но большинство надо стимулировать чем-то к движению, к труду. А вот чтобы сами стремились, как Ж. К. Байдаралин, — редко встречаю. Если честно — почти не припомню таких.

— Жанат Куренбайулы, когда к Вам пришло осознание, что танец — это то, чему Вы посвятите свою жизнь?

— Когда поступил в ГИТИС в 1971 году. До этого времени работал в «Молодом балете Алма-Аты», бросив училище ради ансамбля. Мне тогда было 16. Танцевать любил, но однажды осознал, что хочу еще играть в рок-группе, хотелось чего-то нового. В тот период душа больше тяготела к величайшему чуду The Beatles и другим западным группам на фоне безликой, примитивной пропагандистской советской эстрады (кроме поистине народных исполнителей). Я не любил тогда и не люблю сейчас всей душой

современную музыку в России и странах СНГ. Единственное исключение — это А-Студио и гениальный, запредельный Димаш.

Начав учиться в Москве, я попал, как тогда мне казалось, в мировой центр балета. Здесь впервые я увидел вживую постановки Ролана Пети, Joffrey Ballet, величайшую американскую мировую компанию АВТ и балеты Баланчина. Это было совсем не то, что я смотрел в Большом. Внутри меня возникли противоречия. Тогда я с трудом осознавал масштабы, различия и особенности западных трупп и новой для меня хореографии. Все казалось совсем другим, ведь я имел только опыт «Молодого балета» и достаточно простого репертуара тогдашнего театра имени Абая.

В институте от нас требовали логики, правды, характера, но у нас приветствовался в основном только классический балет. Другое, что мы хотели ставить, — не очень жаловали. А ведь мне тогда был только 21 год. Я начал чувствовать, что это неправильно, нас искусственно ограждали и ограничивали и в результате хотели, чтобы «как у Юрия Григоровича», которого я не очень любил. Но тогда было даже страшно сказать кому-то об этом. Мне стало ясно, что это не мой мир, потому что я стал чувствовать, что задыхаюсь, что мне не хватает знаний, практики. Я думал, что мне лучше быть там. Но не навсегда, а чтобы поучиться, понять суть новых явлений в театре, режиссуре, в новой музыке. Все приходилось узнавать по крохотным кусочкам. Единственное, что согревало, — это надежда на перемены, но они так и не произошли.

Американский балет поразил свободой, энергией, многообразием в композиции, «многообразием» балетного языка. В СССР тогда доминировал Григорович, который надолго задержал развитие советского балета

своими монументальными работами, соответствующими идеологии тех лет. Баланчин в хореографии намного изобретательнее, его фантазия свободна, его балеты не стеснены никакими ограничениями в пространстве, он абсолютно музыкален. Его неоклассика — это, по сути, женитьба классического балета его времени на джаз-танце. Он оторвал американский балет от русского, который подточен под балеты Петипа. Это мощнейший мейнстрим, он до сих пор формирует мировую балетную погоду. Баланчин же сумел создать свое, свой американский путь в танце на «плечах» предыдущих хореографов. Это тоже уже история. Как когда-то авангардисты, импрессионисты, футуристы и прочие приверженцы различных течений практически уничтожили классическую живопись, так и сейчас современные хореографы в основной массе разрушают классический балет.

— Расскажите о Ваших педагогах в ГИТИСе.

— Моими педагогами были Александр Александрович Лапури, Раиса Степановна Стручкова, Тамара Степановна Ткаченко, Лилия Михайловна Таланкина. Практически все студенты тех лет так или иначе учились у всех педагогов балетмейстерского отделения ГИТИСа, включая выдающихся деятелей балетного Олимпа.

Во время учебы в ГИТИСе мы ходили в Большой театр, сами много занимались. Человеческое тело как испытательный полигон для хореографа. Я потом начал интересоваться анатомией, законами физики, как это все (вращения, прыжки) делается, по каким правилам выстраивается. Я изучал каждый миллиметр движения. За все время работы накопил огромный опыт, поэтому могу сказать, что очень хорошо знаю педагогику балета.

Выражаю благодарность всем педагогам, преподававшим мне

в хореографическом училище. Я застал еще Александра Владимировича Селезнёва, учился у него одну неделю. Моим первым педагогом была Жансулу Турниязовна Тастанова. Характерному танцу я учился у Мабруры Зайнитдиновны Ахмедиевой, которую я любил больше всех. Она вселила в меня веру, что я имею талант артиста и педагога.

Кстати, где-то недавно прочитал, что я был учеником Марата Мунтина. Никогда я не был его учеником. Когда я поступил в училище, М. Мунтин выпускался. Он танцевал «Тщетную предосторожность» с Тамарой Ахмаровой.

— Говорить о новом в хореографии в советское время было сложно, но Вас это не останавливало. Почему?

— Дикое желание жить и любить жизнь, полученное от моих родителей. Еще любовь к своей земле, к музыке, желание высказаться и быть услышанным, желание прославиться и быть знаменитым, новатором, но без всяких понтов. Молодость и мечта заявить о своем видении мира и присущее молодости обостренное чувство справедливости. Хотелось быть таким же знаменитым, как московские хореографы. Но только в Америке я понял, что это никогда бы не случилось, так как мы все равно были «индейцами» для столицы тех лет. Россия, как ни крути, все же империя, и у нее естественно существует только имперское мышление. Это не изменится никогда, и это в сознании русского человека навечно, что нисколько не умаляет моей вечной любви и благодарности России и русскому народу. Конечно, имея в виду всех тех, кто давал мне свои знания и любовь, — это были люди любой национальности, но жившие и творившие в СССР.

— Какие из поставленных Вами спектаклей или хореографических композиций Вы считаете главными и почему?

— Их несколько:

«*Старая фотография*» — одноактный балет на Пятую симфонию Дмитрия Шостаковича — балет о войне, навеянный стихотворением великого поэта Расула Гамзатова о журавлиной стае;

рок-балет «XX век» — о предчувствии гибели страны, где мы родились, о потерянном поколении, которое не состоялось. Это библейский сюжет о человеке, которого казнили за любовь к себе подобным и за которым потом пошли, когда его уже не стало. Это было многослойное философское произведение, выраженное самым современным языком того времени. Музыка я подбирал эклектично: от Zolook и Enigma до инструментальных фрагментов песен Элтона Джона;

программа для Еураз-шоу, где я впервые выступил как композитор, так как не было в Казахстане и намека на ту музыку, которую я хотел. В сущности, я жил в Казахстане, а творил как бы на Западе, используя те скудные знания, которые имел. Но работала интуиция и фантазия плюс отличное владение современной музыкальной литературой.

Много было постановок. Очень много. Например, как режиссер и балетмейстер я сделал первый мюзикл в корейском театре, который назывался «Волшебная флейта». Музыка написал недавно ушедший Яков Хан. С этим спектаклем театр отправился в свою первую поездку в Сеул. Потом я ставил одноактный балет «Прерванная песнь» тоже на музыку Я. Хана на основе корейского народного танца и контемпорари. Его исполняли студенты хореографического училища. Еще в 1990-е я ставил рэп/хип-хоп мюзикл во Дворце спорта. В нем участвовали студенты хореографического училища (от училища репетировала Лариса Ким) и артисты цирка. Веселые танцы были. Я писал музыку и сочинял тексты, читал рэп — все сам делал, потому что никого не было тогда.

Эти балеты и многочисленные номера имели огромный успех, чем я горжусь до сих пор. Горжусь, что я был первым в Казахстане среди тех, кто начал сознательно использовать в хореографии понятие полифоничности в танцах. Я много работал со светом, а когда приехал в Америку, был поражен: то, что делали в одном из спектаклей Boston Ballet, я делал уже в нашем театре в своем рок-балете почти 15 лет назад, включая и световое решение! То есть, даже находясь в Казахстане, могу сказать, что намного опередил время. Я был горд собой до небес, но в Алматы никто кроме интеллигенции не понял, в чем дело, включая коллег по профессии. От некоторых я натерпелся в те времена, но зла не таю, так как у каждого свой мир, свой уровень и свое понимание о профессии. Как и свое прочтение заповедей о добре и зле.

В те годы я изобретал много нового для себя и, надеюсь, для балета. Я много работал над построением конструкции спектаклей, номеров, что, по сути, и было режиссурой. Я много брал из кино, использовал чисто «киношные» приемы, читал о зарубежных гастролях драматических театров и там находил много интересного. В те годы московская театральная критика была единственным источником информации о происходящем в мире, так как только они в основном и видели в поездках на международные театральные фестивали. Простые смертные даже и не мечтали о таком. Часто туда выезжали приближенные к властям деятели, зачастую не имевшие никакого театрального опыта и особого интеллекта, но гремевшие своими званиями и связями.

— **А что еще было в «том» времени?**

— Далеко не все мои мечты тогда осуществились, потому что работал социализм. Все были генералами, народными артистами, надутыми, как мыльные пузыри, чванством и понтами. Только оказалось, что многие

эти «великие» люди — абсолютно пустые, необразованные.

В советские годы и начале 90-х трудно было достать пластинку с музыкой или чтобы оркестр сыграл то, что ты сочинил. Стоишь в очереди. Твоя очередь — через 20 лет. Например, мог быть великолепный молодой музыкант-композитор со многими хорошими идеями, но старики не пускали. Эти титаны заполнили собой все и не пускали никого, всю воду забирали себе, оставляли молодежь без кислорода. Исключение было, если ты чей-то сын или родственник. А если ты не подлизываешься, ты никуда не попадешь. Все это было очень унижительно, несправедливо, все всё видели.

Я вырос в интернате училища с его непростой средой. В послевоенное время наши детдомовские ребята были жестоки. За подлость и обман, за мельчайшую провинность тебя могли сильно «отутюжить». Получал я конкретно, поэтому даже в мыслях никогда не было, что можно кого-то обмануть, украсть, сделать подлость. Вот так мы выросли, это было прекрасное время.

По поручению секретаря по культуре на родине Абая в Семее я создавал казахский коллектив «Каламкас» в тот момент, когда там проводились атомные испытания. Со мной ездил тогда джазмен-саксофонист Володя Питерцев, который неожиданно стал домбристом. Нас в день по три-четыре раза трясло во время испытаний. Все люди там пили водку, потому что считалось, что это спасает. Мы репетировали полгода с 8 утра до 11 вечера. Я топтал пески, у меня в гостинице были пауки, змеи заползали. Есть нечего было. А потом в Германии на выступлении мы получили золотую медаль.

Как мог, несмотря на различные трудности, я организовал «Кыпчак Dance» совместно с англичанами. Все получали зарплату. Я не получал

ничего, но я никому не говорил. Мы с Верой Шаукетовной (Курмашевой, супругой Ж. К. Байдаралина — Д. У.) часто пили «голый» чай. Бывали дни, когда я пил просто кипяток с хлебом, но артисты получали зарплату в долларах (см. рис. 1).

Рис. 1. Жанат Байдаралин и Вера Курмашева. 2019. Фото из аккаунта Ж. Байдаралина в Facebook

В своей жизни я работал в кино, на телевидении, в драматическом театре. Создал турецкий, греческий и казахские ансамбли и привозил с ними золотые медали из поездок по соцстранам. Это, конечно, были самодеятельные, но очень сильные коллективы с программой из народных и современных песен и танцев. Для меня они являлись полигоном новых идей, так как в театре мне не давали такой возможности. Конечно, материальный мотив тоже проявлялся, ведь деньги всегда нужны для молодой семьи. Деньги мизерные, но они зарабатывались огромным трудом, зачастую по 10–12 часов работы ежедневно. Вот что значит ядерная энергия молодости и жажда работы.

Для казахского искусства я многое мог сделать. Я был первым человеком, который начал ставить балеты на огромных стадионах. Сам вынужден был писать музыку. И, может, даже сделаю еще презентацию CD в столице Казахстана. Но и тогда я сделал многое. Потом видел, как то, что я делал, многие люди смотрели и местами этим пользовались. Я был очень рад этому. Помню, как делал какие-то вещи, эксперименты в театре, надо мной артисты смеялись. Выходили стенгазеты, шутили. Я тоже смеялся со всеми. Ссориться и выяснять отношения не любил, хотя и был боевым пацаном.

– Жизнь в Америке определила новые сложности и обстоятельства в работе. Чем они отличались от тех, с которыми Вы сталкивались в Казахстане?

– Америка — это океан с совершенно непредсказуемыми событиями в любой сфере жизни. Самое главное здесь — иметь работу. Если она есть, то есть и жизнь, а если нет, то это беда. Все и везде постоянно ищут работу и приличный заработок. Государство практически не поддерживает искусство за редчайшим исключением. Артисты балета, если повезет, могут получить работу на несколько сезонов, но, как правило, они постоянно кочуют из компании в компанию. В среднем они работают 6–7 месяцев, а затем идут в официанты, на заправки или мыть посуду. Если повезет, то идут учить на летних программах, но таких не очень много. В Америке огромное значение имеют личные знакомства, впрочем, как и везде. Одним словом, жизнь здесь — это выживание день за днем и так всю жизнь. Здесь никого не надо уговаривать, упрашивать, здесь нет забронзовевших и великих. Здесь все равны, но разница в оплате труда ведущих солистов и артистов кордебалета иногда очень велика. Некоторые получают от покровителей и спонсоров просто

огромные деньги. Кто-то может заплатить миллион и попросить артистического директора дать станцевать ведущую роль своему протеже. Но такое бывает не часто, но бывает, и это не афишируется. В начале своей жизни в Америке мне приходилось участвовать в серьезных конкурсах и выигрывать, пока я не понял, что здесь балетмейстеры никому не нужны. Здесь нужны в первую очередь преподаватели! Я — единственный казах, который работал в американской серьезной компании мирового уровня Dance Theatre of Harlem. Может, даже один из единственных советских людей, кто проник сюда, потому что это очень закрытая компания, они не принимают посторонних. Меня пригласили сюда после одного конкурса, и я проработал здесь с перерывами два сезона. Потом вообще уехал из Нью-Йорка. Приезжал каждый раз из Род-Айленда, и это было утомительно. В Нью-Йорке трудно жить: с утра до вечера звучат сирены полицейских машин, метро грязное, другие бытовые проблемы. Я не знаю, как там люди живут.

Руководил этой грандиозной компанией один из самых выдающихся деятелей черного искусства Arthur Mitchell — первый на планете черный танцор классического балета (см. рис. 2). Он был солистом у Баланчина в New York City Ballet в течение 20 лет. Затем он создал свою

Рис. 2. Жанат Байдаралин и Артур Митчелл. 2004. Фото из аккаунта Ж. Байдаралина в Facebook

знаменитую труппу, которая известна всем любителям балета. Работая там, я получил бесценный опыт преподавания в Америке. С тех пор для меня открывались многие двери, которые были недоступны как неприступные крепости. Вот что значит в Америке послушной список и личные знакомства. Поднялись в разы и мои финансовые позиции. Мы смогли купить свой первый, заработанный тяжелым трудом дом и были очень счастливы. Мы выжили и сумели войти в крепкий средний класс. Мы добились того, чего хотели, и, конечно, продолжили гонку на выживание, ведь в Америке надо трудиться очень много, до изнурения. Это тяжело. Но это единственный путь к нормальной, достойной жизни без кланов, агашек, родов и племен. Сам делаешь себя. Тебе помогают твои способности и труд (см. рис. 3).

Рис. 3. Жанат Байдаралин в роли Дроссельмейера в спектакле «Щелкунчик» П. Чайковского. 2015. Фото из аккаунта Ж. Байдаралина в Facebook

– Какими качествами должен обладать настоящий балетмейстер?

– Талантом, высоким интеллектом, огромным трудолюбием, терпением и жадной славой. Творчество очень связано с интеллектом, надо многое знать, многое понимать и представлять, знать хорошо музыку.

– Ваши любимые книги?

– Люблю остроумных писателей: Бабеля, Зощенко, Ильфа и Петрова, Гофмана, Пера Лагерквиста, Булгакова,

Гоголя. Конечно, Абая, Чингиза Айтматова, Нодара Думбадзе, Юрия Рытхэу и многих-многих других всех стран и народов. Сейчас я читаю мало, больше смотрю YouTube.

– А из балетов?

– Больше нравятся короткие балеты. Люблю английский балет. Уже не люблю современный танец за однообразие и пустоту. Любимые хореографы — Иржи Килиан, Начо Дуато и молодые хореографы из Нидерландов. Из классических — британский Кеннет Макмиллан и, конечно, потрясающие американские хореографы современного танца, которых великое множество. В последнее время люблю Мариинский театр. Вижу мощный прорыв казахского балета, но серьезно отстает современная хореография. Нужно, наверное, приглашать побольше молодых из Англии, Нидерландов, а главное, растить своих. Я уверен, что наши еще скажут свое слово, важно иметь среду. Сейчас за всех говорит гениальный Димаш — человек огромного чудодейственного таланта — и другой гениальный человек — Игорь Крутой. Но дело в том, что эта музыка, которую они совместно делают, — это изысканный пятизвездочный отель, а на улице царит «одnozвездочный» или хостел...

– Как Вы сегодня живете?

– В Америке у нас с супругой своя небольшая балетная школа, потому что мы не хотим больших — я наработался в компаниях с огромным количеством артистов (см. рис. 4, 5, 6). Мы живем в довольно комфортабельном месте. Наш штат омывает Гольфстрим, нам от дома до пляжа 8–10 минут езды и совсем недалеко до Атлантического океана. Мы можем ездить купаться, как все жители, которые живут у океана. Случается это редко. Это такая community, основанная много лет назад, где живет средний класс. Здесь все условия для жизни. Собираются домами, принимают гостей.

Рис. 4. Вера Курмашева и Жанат Байдаралин со своими студентами Кэмерон Баргс и Айсая Манесс из *Ballet Prestige – Russian Style Ballet Studio*. 2010. Фото из аккаунта М. Баргс в Facebook

Рис. 5. Жанат Байдаралин на репетиции в своей школе *Ballet Prestige – Russian Style Ballet Studio*. 2010-е. Фото с официального сайта www.balletprestige.com

Было бы комфортно, если бы я вовсе не уехал из Казахстана в силу объективных обстоятельств и все это было в Казахстане. Сейчас многие пытаются попасть в Америку. Но она уже не та, что была 20 лет назад. Все меняется так молниеносно, что просто не успеваешь уследить за всем. То, что ты купил в Америке месяц назад, через три месяца уже можно не найти. Но все это просто вещи, и к этому надо подходить разумно.

Я даже как-то попал в анекдотическую ситуацию. Мы тогда только приехали, и я купил хорошую видеокамеру — надо

Рис. 6. Жанат Байдаралин, Вера Курмашева, Тимур Кан. 12 ноября 2017. Фото из аккаунта Т. Кана в Facebook

было снимать свою работу, постановки, записывать DVD. Это было, во-первых, небольшой коммерцией, потому что никто не имеет права снимать на занятиях, во-вторых, это облегчает процесс урока — то, что студент пропустил или не усвоил, он готовит по видеозаписи дома. Я берег эту камеру, вытирал ее, любовался, и тут что-то случилось с ней: то ли пленку поменять, то ли еще что-то. Я принес в магазин. Консультант долго смотрел ее, потом побежал к менеджеру. Они вертели ее, крутили. Подхожу, спрашиваю: «Что случилось?» Менеджер говорит: «Извините, но это очень старая модель, у нас нет подобных, и мы, к сожалению, не можем здесь ничего заменить».

В Америке каждый месяц, каждую неделю появляется что-то новое. И ты обязан соревноваться и создавать новое постоянно, день за днем. Америка — это в какой-то степени центр мира, фабрика всего: электроника, ракеты, наука, здравоохранение, торговля, современная музыка и современный балет (см. рис. 7).

— **Есть ли ощущение недосказанности в творчестве? Что еще Вам нужно**

поставить, чтобы сказать свое слово этому миру?

— Чувство недосказанности есть всегда. Но лучше меньше, но лучше. В Америке, например, хореограф говорит: «Я поставил 100 балетов, 200 балетов», еще что-то такое. А что дальше? В молодые годы, когда тебе 25–26 лет, ты действительно чувствуешь, что можешь поставить неограниченное количество спектаклей. Но я человек другого склада.

Рис. 7. Вера Курмашева и Жанат Байдаралин у скульптуры джазового пианиста Оскара Питерсона. Канада, 2010-е. Фото из аккаунта Ж. Байдаралина в Facebook

142

Меня всегда держит Казахстан. Я с детства слышал казахские песни, которые пели женщины или мужчины, собираясь за круглым дастарханом. У меня много воспоминаний детства, и всегда была идея создать балет, основанный на казахских народных песнях. Может, когда-нибудь мне удастся это осуществить. Я звонил директорам театров, они менялись как перчатки. Только договоришься о чем-то, его уже поменяли. Многие были очень необязательными людьми, больше болтали, но ничего не делали, срывали сроки. Я уже перестал надеяться. Не буду полностью раскрывать свою идею, надеюсь, что когда-нибудь посету свой родной город и поставлю там балет.

— Жанат Куренбайулы, что главное в человеческой жизни?

— Надо быть честным, искренним человеком, не рисоваться. И эту «базу» мне заложили в ауле. Моя мама говорила одно: «Ұят болады». Это словосочетание имеет глубинное философское значение. В него закладывалось многое: не по-человечески не поступай, не говори так, не будь жестоким, не убивай, не причиняй боль, не унижай людей и животных. Я рос в ауле в доме. А зимой, когда было очень холодно, у нас жили козы, телята, утята. Я среди них рос и спал. Как-то заигрался с кем-то из животных, а мама говорит: «Будь аккуратней. Это же чей-то ребенок, у него есть мама и папа». Я был поражен. Вот так прививались любовь, уважение, уважение к чьей-то жизни, к чужому жизненному пространству.

Я очень оптимистичный человек, не люблю долго находится в «драмах», «трагедиях». У меня внутри всегда есть солнце, которое у меня из аула. В груди никогда не было злобы, не было чувства мести, никому зла не делал. Да, бывали огорчение, ярость. Я дрался за свою честь, но страшно не любил этого. Зависти черной у меня не было никогда, она была такого порядка: если кто-то что-то сделал лучше меня, то у меня возникало ядерное желание сделать лучше. И сделать на самом высоком уровне. Сделать мощно, сильно, качественно, с точки зрения хореографического языка, истории. Это характер и любовь к тому, что ты делаешь. Должны быть какие-то флюиды, которыми ты «доходишь» до сердец людей. Люди видят фальшь.

Когда у тебя есть мечта, ты просто идешь к ней. Жизнь пролетает в основном бессмысленно и в мелкой суете. Надо что-то делать. Учить языки, писать книги, научиться классно готовить, рисовать, музицировать. У меня была еще одна мечта — открыть казахский ресторан в Америке...

... Думаю, мне еще предстоит долгий путь к тому, чтобы что-то сделать

в Театре, передать знания, опыт. У каждого свои ценности, свой уровень, своя гора. Каждый думает, что он сидит на вершине этой горы и видит больше всех и дальше всех. Иногда это правда.

Жанат Куренбайулы еще многое рассказывал о Казахстане, о советском времени, об образовании, о воплощении мечты, о государственной культурной политике и здравоохранении. Давал оценку артистическим и балетмейстерским талантам в советском искусстве. Его мышление — масштабное, вдохновенное, он многое пережил

и наверняка он мог бы многое сделать для нашей страны. Но даже сам факт его существования и возможности услышать его уже дает большой стимул для развития. Он как непотопляемый корабль со стойким капитаном на борту, плывущий к цели вопреки всем встречным ветрам. Он не сдавался никогда. Известный казахский хореограф любит свою родную страну и болеет за нее всем сердцем, но и за жизнь всего мира тоже. Это чувствуется в каждом его эмоциональном предложении, наполненном энергией, счастьем и желанием творить.

Рис. 8. Ж. Байдаралин. Без названия.
Холст, акрил, смешанная техника,
95x68. 2020

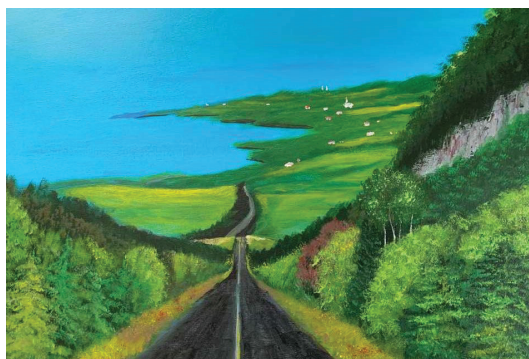

Рис. 10. Ж. Байдаралин. Без названия.
Холст, акрил, смешанная техника,
95x68. 2020

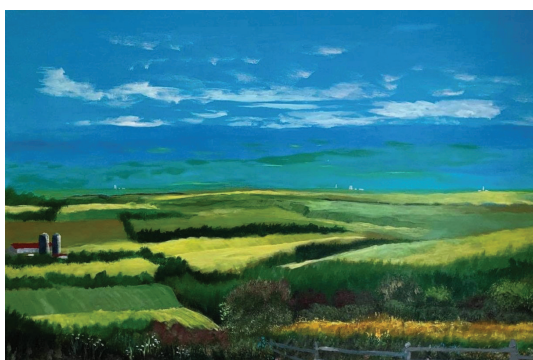

Рис. 9. Ж. Байдаралин. Без названия.
Холст, акрил, смешанная техника,
95x68. 2020

Рис. 11. Ж. Байдаралин. Без названия.
Холст, акрил, смешанная техника,
95x68. 2020

Дамир Уразымбетов

Т. Қ. Жүргенов атындағы Қазақ ұлттық өнер академиясы
(Алматы, Қазақстан)

ЖАНАТ БАЙДАРАЛИН. АЙДЫҢ КЕРІ ЖАҒЫ

Аңдатпа. 1973 жылы Pink Floyd рок-тобы музыкалық әлемде ғана емес, жалпы адамзат ойлау мәдениетінде айтарлықтай өзгерген Айдың кері жағы *The Dark Side of the Moon* альбомын шығарды. Рок-топтың эстетикасы әр түрлі хореографтардың шығармашылық жұмысына да әсер етті. Солардың бірі – Қазақстанға заманауи биді ашқан хореограф және педагог Жанат Байдаралин болды. Соғыстан кейінгі кезеңде кеңестік жүйеде дүниеге келген Байдаралин «сол» дәуірдің барлық маңызды белгілерін сіңірді. Алайда, қарсылық, авангардтық және бүлікшілдік мотиві оның 1970–80-ші жылдардағы барлық шығармаларын қамтиды. Туған елінде ол көптеген қойылымдар құрды: музыка жазды, мюзиклдерге мәтін жазды, хореография қойды және оларды өзі орындады. Байдаралин сонымен қатар Қазақстанның әр түрлі қалаларында бірқатар ұжымдар құрды, Абай атындағы Мемлекеттік академиялық опера және балет театрында хореограф болып жұмыс істеді.

Байдаралин Америкада 20 жыл тұрды. Ол – аты аңызға айналған Артур Митчеллмен бірге өте жабық *Dance Theatre of Harlem* мен жұмыс істеген жалғыз қазақ. Мақала авторымен әңгіме барысында Байдаралин хореографиялық училищенің интернатындағы өмірден бастап, мемлекеттік органдармен қарым-қатынаспен аяқталатын кеңестік кезеңнің пафосын ашады; ол насихаттайтын негізгі жеке қасиеттерді жариялайды. Бүгінде ол әлі де шығармашылық құмарлық пен шабыттандырады. Ол Айдың арғы жағынан қарайды.

Тірек сөздер: Жанат Байдаралин, Қызғылт Флойд, қазақ балеті, хореограф, Америкадағы өмір, Айдың кері жағы, авангард.

Дәйексөз үшін: Уразымбетов, Дамир. «Жанат Байдаралин. Айдың кері жағы». *Central Asian Journal of Art Studies*, т. 6, № 3, 2021, 134–145 б. DOI: 10.47940/cajas.v6i3.476.

Damir Urazymbetov

T. K. Zhurgenov Kazakh National of Arts
(Almaty, Kazakhstan)

ZHANAT BAIDARALIN. ANOTHER SIDE OF THE MOON

Abstract. In 1973, the rock group Pink Floyd released the album *The Dark Side of the Moon*, which was a change agent not only in the musical world, but in general in the culture of human thought. The aesthetics of the rock band has influenced the work of various choreographers. One of them is the choreographer and tutor Zhanat Baidaralin, who opened modern dance to Kazakhstan. Born in the postwar period in the Soviet system, he absorbed all the iconic signs of that epoch. However, through all his work in the period of the 1970–80s passes the motif of resistance, avant-gardism, and rebelliousness. In his native country, he created a large number of productions: he staged choreography, wrote music, composed texts for musicals, and performed himself. Baidaralin also created a number of creative collectives in different cities of Kazakhstan, and worked as a choreographer at the Abai State Academic Opera and Ballet Theater.

Baidaralin has now been living in America for 20 years. He is the only Kazakh who has worked together with the legendary Arthur Mitchell in the *Dance Theatre of Harlem*, which is very closed to outsiders. In a conversation with the author of this article, Baidaralin discloses the paths of the Soviet era, ranging from life in a boarding school for choreography to communication with state structures, and declaring the basic qualities of personality that he promotes. Today, he is still creatively passionate and inspired. He is looking forward from the far side of the Moon.

Keywords: Zhanat Baidaralin, Pink Floyd, Kazakh ballet, choreographer, life in America, The Dark Side of the Moon, avant-garde.

Cite: Urazymbetov, Damir. "Zhanat Baidaralin. Another side of the Moon." *Central Asian Journal of Art Studies*, vol. 6, no. 3, 2021, pp. 134–145. DOI: 10.47940/cajas.v6i3.476.

Автор туралы мәлімет:

Дамир Дүйсенұлы Уразымбетов — өнертану кандидаты, Т. Қ. Жүргенов Қазақ ұлттық өнер академиясының ғылыми-редакциялық бөлімнің басшысы, Қазақстандық өнер сыншылары гильдиясының мүшесі, Қазақстандық ЮНЕСКО Клубтарының ұлттық федерациясының мүшесі, Нұрсұлтан Назарбаев Қорының мәдениет жөніндегі кеңесінің мүшесі (Алматы, Қазақстан)

Сведения об авторе:

Дамир Дуйсенович Уразымбетов — кандидат искусствоведения, руководитель научно-редакционного отдела Казахской национальной академии искусств имени Т. К. Жургенова, член Казахстанской гильдии критиков искусства, член Казахстанской национальной федерации клубов ЮНЕСКО, член Совета по культуре Фонда Нурсултана Назарбаева (Алматы, Казахстан)

Author's bio:

Damir D. Urazymbetov — PhD in Arts, Head of the Academic-Editorial Department, T. K. Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts, Member of the Kazakhstan Guild of Art Critics, Member of the Kazakhstan National Federation of UNESCO Clubs, Member of the Council for Culture of the Nursultan Nazarbayev Foundation (Almaty, Kazakhstan)